

А.В. Грибоедова

Идеи и образы Ф.М. Достоевского в романах И.Г. Эренбурга первой половины 1920-х годов

В статье рассматривается вопрос о традициях Ф.М. Достоевского в раннем творчестве И.Г. Эренбурга. Исследование проводится на материале романов Эренбурга первой половины 1920-х годов. Размышляя о кризисе культуры и свободе, о человеке и Боге, о добре и зле, Эренбург прочитывает эти темы «по Достоевскому». На страницах его романов можно обнаружить традиционные типы героев Достоевского: «героя-мечтателя», «героя-праведника», «подпольного человека», «героя-шута». Эренбург, как и Достоевский, подвергает своих героев духовным испытаниям, организует эксперименты над человеческой природой.

The paper reveals the issue of the traditions in the early works by I. Ehrenbourg on the example of the relationship with Dostoevsky's writings. The research is based on the material of Ehrenbourg's novels of the first half of the 1920s. Ehrenbourg reflects on the crisis of culture and freedom, man and God, good and evil in Dostoevsky's way. On the pages of his novels the reader finds the traditional types of Dostoevsky's heroes: the dreamer, the righteous man, the crypto-man, the jester. Ehrenbourg puts his heroes on spiritual trials, organizes the experiments on human nature.

Ключевые слова: русская литература 1920-х годов; Достоевский; Эренбург.

Keywords: Russian literature of the 1920ies; Dostoevsky; Ehrenbourg.

Среди всех авторов, которых запоем читал Илья Эренбург в детстве, только Достоевскому удалось закрепиться в списке любимых писателей. Интерес к его творчеству перерос беспечную юношескую увлечённость, и постепенно писатель оказался втянут в мир идей автора «великого пятикнижия». Практически все его вещи, как замечали критики, «отзывались Достоевским» [1: с. 13]. От романа к роману писатель пытался найти ответы на традиционные вопросы, мучившие Достоевского: о свободе и выборе, о добре и зле, о Боге и дьяволе, о смысле человеческой жизни и судьбе человечества.

Одна из главных тем творчества Эренбурга начала 1920-х годов — тема «заката Европы», кризиса культуры и тесно связанного с ней кризиса человека. Внимательный читатель Достоевского, в романах «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922) и «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923) он попытался дать свои ответы на злободневные вопросы современности: что станет с культурой и человечеством, возможно ли как-то избежать «гниения Запада». Герой «Необычайных пождений» Хулио Хуренито — анархист и философ — старается постичь механизм мирового устройства, проверить мир на прочность, испытать его каноны, проэкзаменовать людей. Хуренито хочет «уничтожить

дом» — разрушить старые основы, не позволяющие людям открыться новому, изменяя сложившимся стереотипам. Мир переполнен предметами и достижениями технической цивилизации, этой «мерзостью избытка, отчаянием избытка» [6: с. 105], именно поэтому оздоровления Европы можно добиться только войной. Романом «Грест Д.Е. История гибели Европы» Эренбург словно выносит приговор тому вектору развития западного мира, который критиковал Хуренито. Сюжет произведения довольно прост: главный герой Энс Боот решает уничтожить Европу, и в результате его действий цветущий мир обращается в безлюдную пустыню. Впрочем, по мнению самого Эренбурга, Европу настигла кара не в лице Энса Боота, он лишь слегка подтолкнул и без того уже приведённый в действие механизм. Европа, «дряхлая и блудливая», уничтожила себя сама: европейские страны, погрязшие в войнах и убийствах, в дележе власти и господства, лишили жизни эту часть света.

Роднит обоих писателей и тема человека, творчество обоих антропоцентрично. Для Эренбурга, как и для Достоевского, человек — высшая ценность, нет ничего величественнее человека, каждый уникален и неповторим. При этом Эренбург, следуя за Достоевским, обращает внимание не только на светлую сторону души, диалектику добра в человеке, но и на человеческую греховность, порочность. Душа у героев Эренбурга двоятся: они то желают спасти человечество от гибели, закрывая глаза на многочисленные жертвы, то решают вырвать болезнь с корнем, истребить миллионы ради жизни нескольких человек. Изменения человеческой природы, усложнения человеческой души, которые предчувствовал Достоевский, в полном объёме раскрылись с приходом нового века. Писатель понял, что «в опасности само понятие человека» [5: с. 550]. Его персонажи (и Хулио Хуренито, и Энс Боот) решительно устремились за Иваном Карамазовым, Раскольниковым и другими героями Достоевского, вступили на едва протоптанную дорогу человекобога. Они стали ближе к Богу, потому что примерили роль вершителей судеб, но они стали и ближе к дьяволу, потому как роль эта распахнула двери перед соблазнами и искушениями.

Персонажей Эренбурга, как и героев Достоевского, можно назвать «людьми идеи». Так, Хулио Хуренито помешан на идее стать «великой повитухой истории» [6: с. 10]. Он хочет «уничтожить дом» в виде старых канонов и стереотипов, очистить землю, подарить возможность людям пробовать что-то новое. Попавшие под обаяние своих идей персонажи Эренбурга не преследуют больше никаких иных целей: их не интересует обогащение, им не нужны деньги. Точно так же бескорыстны и герои Достоевского (вспомним, например, Раскольникова). Однако утверждать, что герои, нацеленные на реализацию своей идеи, бескорыстны во всех смыслах, — не стоит. Безусловно, они не ищут тривиальной материальной выгоды, выгода в их поступках и действиях иная. Осуществление их задумок, распутывание клубка идей и есть обретаемая во всех испытаниях выгода. Ради получения этой выгоды они решаются даже на преступления и платят порой слишком высокую цену. При этом герои Достоевского сложнее и многограннее персонажей

Эренбурга. Обязательное и неизбежное наказание за преступления у Достоевского становится необязательным для Эренбурга. Рефлексия героев Эренбурга не столь глубока: порой они не чувствуют свою ответственность за содеянное зло, не осознают, что пошли против своей совести, а значит, и преступления не накладывают отпечаток на свободу их духа.

На страницах сочинений И. Эренбурга можно обнаружить традиционные типы героев Достоевского: «героя-мечтателя», «героя-праведника», «подпольного человека», «героя-шута». Никифора Халыбьева, персонажа романа «Любовь Жанны Ней» (1924), можно с уверенностью назвать героем «подполья». Одной из отличительных черт таких персонажей является желание во что бы то ни стало возвыситься над окружающими, почувствовать свою избранность. Как и главный герой «Записок из подполья», Халыбьев избирает для этого самый лёгкий путь: не выделиться на фоне остальных благими поступками, а подняться, унизив окружающих. При этом герой Эренбурга пытается прикрыть свои преступления высокопарными фразами о «глубочайшей русской душе». Халыбьев напоминает Родиона Раскольникова из «Преступления и наказания»: также замкнут, никому не доверяет, «страдает людобоязнью», задавлен нищетой, мучается от безысходности своего положения, хотя в то же время хочет чувствовать себя гордым. Конечно, Раскольников — намного глубже и сложнее. Его нельзя назвать отрицательным героем, у Достоевского абсолютных злодеев не существует — писатель каждому из своих героев дает шанс на исправление, на искупление своих грехов. Халыбьев же такого шанса от Эренбурга не получает. Возможно, потому что не испытывает тех душевных мук, что Раскольников, осознав ложность своей идеи. Герой Достоевского, в отличие от Халыбьева, одержимого «манией», готов к осознанию своей ничтожности. Раскольников надеется, что окажется «избранным», в то время как герой Эренбурга в своей особенности уверен.

«Подпольность» у героев Достоевского разной природы: кто-то труслив, кто-то меркантилен, кто-то жесток, а кто-то расчётлив. Заражён «подпольностью» с детства и главный герой романа «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923). «Подпольность» героя — это не только неприятие христианства, нежелание прощать чужие ошибки, жестокость. Его подпольность — это ещё и «любовь к числу и дикий подвиг» [3: с. 76], страсть, которая привела его «в презренную чеку». Он был безжалостно-«подполён», всегда строго следовал предписаниям, рьяно «выравнивал сердца в колонны цифр» [3: с. 74], был словно не человек, а «кикс с портфелем» [3: с. 75]. Однако этот никогда никого не жалеющий человек начинает меняться. Влюбившись, он понимает, что «прежде жизни не замечал» [3: с. 170]. Так, постепенно, начиная любить и чувствовать, герой скидывает с себя оковы «подпольности». Своей судьбой Курбов доказывает, «что он человек, а не штифтик» [2: т. 5, с. 117].

Черты другого типа героев Достоевского — «мечтателя» — несёт в себе персонаж из «Необычайных походов» — Алексей Спиридонович Тишин. Это — «слабый сердцем», показательный русский интеллигент, насквозь книжный,

рефлексирующий. Примечательно, что его любимым писателем является Достоевский, и, подобно ему, Тишин обеспокоен поисками настоящего «Человека». Он склонен романтизировать жизнь, видя во всём соблазн героического деяния. Однако Тишин не просто мечтатель, он пассивный мечтатель. Этот человек крайне несамостоятелен, беспорядочен и испытывает стремление «ко всему, кроме дела». Герой словно соткан из абсурдных идей — говорит переиначенными фразами из Достоевского, которые в его устах теряют свой смысл и звучат комично. Алексея Спиридоновича волнует, что подумают о нём другие, как его поступки выглядят со стороны. Он словно смотрит на себя через искривлённое зеркало чужого сознания. И эта постоянная оглядка на чужое мнение тоже может быть причислена к ряду отличительных черт «героя-мечтателя».

Все персонажи Эренбурга испытывают потребность в свободе. Однако почувствовав безграничную свободу, они зачастую обрекают других на страдания. И хотя размеры их преступлений разнятся — от одиночного убийства до массового истребления человечества, — итог у них один: торжество самовластия и человекобожия. Проблема выбора между свободой и принуждением ставится и в поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор». У Эренбурга в романе «Необычайные похождения» есть глава с похожим названием — «Великий инквизитор вне легенды», в которой тоже поднимаются вопросы счастья и свободы, добра и зла. На них пытается дать ответ вождь революции, проецируя проблему выбора на реалии Советской России. Вождь коммунизма имеет общие черты с Великим Инквизитором. Оба они, «люди идеи», не верят в Бога, оба избрали тернистый путь. Великий Инквизитор отрёкся от Бога из-за человека, вождь революции — во имя государства и власти. Последний видит счастье исключительно в служении революции, которая, по его словам, способна превратить страну в настоящий «рай», пусть и через насилие, через стирание грани между добром и злом. «Капитан» хорошо усвоил урок Великого Инквизитора: он понимает, что сосредоточиться на строительстве «земного рая» может только тот, кто не верит в своё божественное происхождение и предназначение. Именно поэтому вождь коммунизма отнимает у людей веру в Бога и сам пытается организовать земное общежитие. Он, как и Великий Инквизитор, полагает, что люди не способны выдержать бремя свободы. Беря за основу принцип Великого Инквизитора — «человек ищет не столько бога, сколько чудес» [2: т. 14, с. 233] — вождь вселяет в людей надежду на гармоничное будущее, отняв у них взамен ненужную свободу. И получается, что коммунизм для этого подходит как нельзя лучше: государство берёт всю власть над людьми в свои руки, выполняя организаторские, дисциплинирующие функции, определяя, что хорошо, а что плохо, ограничивая круг дозволенного.

Роднит творчество Достоевского и Эренбурга и внимание к теме любви. Персонажи Эренбурга не поддаются соблазну житейской любви, той, от которой

«пойдут уют и прозябанье» [3: с. 56]. Они вынуждены разделить участь персонажей Достоевского: любовь для них становится настоящей трагедией, губящей судьбы. Для Эренбурга любовь — единственная точка опоры в мире, ввергнутом в ужас братоубийственной розни: политической, идеологической, национальной. Только любовь, по убеждению автора, способна спасти человека — перечеркнуть преступления, загладить вину. Для героев Эренбурга она становится высшим принципом (отталкиваясь от него, принимают решения Жанна, Габриель, Катя). Любовь, подчёркивал писатель, та твердыня, которая не даёт человеку провалиться в бездну греховности, то, что удерживает его душу от безвозвратного падения.

У Эренбурга, как и у Достоевского, мы не найдём тихого семейного счастья. Его герои — дети «случайного семейства», недолюбленные, обделённые вниманием. Поэтому и любовь для них зачастую «мещанство из книжки плохой» [3: с. 10], болезнь человеческих отношений [2: т. 25, с. 173]. Подмеченная ещё Достоевским, эта тема получает у Эренбурга новое звучание. Герои, вышедшие из «случайных семейств», не только не могут состояться как хорошие семьянины, но и оказываются в некотором роде не состоявшимися в жизни. Не получив духовных уроков от близких, персонажи пытаются восполнить душевные пустоты чем-то иным. Курбов бросает все свои силы на то, чтобы реализоваться на службе, стать настоящим, не знающим жалости революционером; Энс Боот стремится любыми путями воплотить в жизнь навязчивую идею об уничтожении Европы; Халыбьев преследует только одну цель — пресытиться материальными благами.

Рассуждая в своих сочинениях о кризисе культуры и свободе, о добре и зле, о человеке и Боге, Илья Эренбург в некотором смысле сам оказывается в положении героя Достоевского. Он ищет и вопрошает, хочет «серьёзно и вправду веровать» [2: т. 11, с. 179] и не может справиться с разъедающим скепсисом. Сочинения писателя сотканы из противоречий, у него нет однозначных ответов, он во всём сомневается. И всё же надеется, что человек, как существо этическое, оказавшись перед дилеммой добра и зла, выберет первое.

Библиографический список

Источники

1. *Ван-Везен Ю.* 200 000 метров Ильи Эренбурга // Жизнь искусства. Петроград. 1924. № 4. С. 13.
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. *Эренбург И.Г.* Жизнь и гибель Николая Курбова. М.: Новая Москва, 1923. 203 с.
4. *Эренбург И.Г.* Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 3: Любовь Жанны Ней. Роман. М.–Л.: Земля и фабрика, 1928. 398 с.
5. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1966. 616 с.
6. *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. М.–Пг.: Госиздат, 1923. 276 с.

Литература

7. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 174 с.

References*Istochniki*

1. *Van-Vezen Yu.* 200 000 metrov Il'i E'renburga // *Zhizn' iskusstva.* Petrograd, 1924. № 4. S. 13.
2. *Dostoevskij F.M.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1972–1990.
3. *E'renburg I.G.* *Zhizn' i gibel' Nikolaya Kurbova.* M.: Novaya Moskva, 1923. 203 s.
4. *E'renburg I.G.* Poln. sobr. soch.: v 8 t. T. 3: *Lyubov' Zhanny' Nej. Roman.* M.–L.: Zemlya i fabrika, 1928. 398 s.
5. *E'renburg I.G.* *Lyudi, gody', zhizn' // E'renburg I. Sobr. soch.: v 9 t. T. 8.* M.: Goslitiizdat, 1966. 616 s.
6. *E'renburg I.G.* *Neoby'chajny'e poxozhdeniya Hulio Hurenito i ego uchenikov.* M.–Pg.: Gosizdat, 1923. 276 s.

Literatura

7. *Berdyaev N.A.* *Mirosozerczanie Dostoevskogo.* M.: Zaxarov, 2001. 174 s.